

тивной синтаксической деривации, характеристика перестройки исходных синтаксических конструкций во всех аспектах – формальном, семантическом и функциональном, семантико-синтаксические особенности трансформации – свертывания – полипредикативных структур в монопредикативные с предикатными актантами, текстообразующие возможности отадъективной субстантивной синтаксической деривации).

Характеристика отадъективной субстантивной синтаксической деривации с позиций грамматики номинализаций, ориентированной на речевую деятельность, в свою очередь, состоит из рецептивно-грамматической и продуктивно-грамматической частей, описывающих это явление как объект рецептивной грамматики номинализаций (проблемы рецепции слова, словосочетания и предложения) и как объект продуктивной грамматики номинализаций (проблемы продукции слова, словосочетания и предложения) соответственно.

Обсуждаемое продуктивно-грамматическое моделирование отадъективной субстантивной синтаксической деривации в современном русском языке – одна из важных задач того направления в лингвистике, которое может быть названо изучением деривационных отношений между языковыми единицами в аспекте активных видов речевой деятельности, или продуктивной дериватологией.

Белошапкова В. А., Милославский И. Г. Вопросы идеографической грамматики русского языка // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского. М., 1988.

Волков В. В. О закономерностях образования глаголов с инхоативным значением от имен прилагательных // Там же.

Волынец Т. Н. Грамматический феномен причастия. Минск, 1998.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.

Милославский И. Г. Культура речи и русская грамматика. М., 2002.

Шарафутдинов Д. Р. Определение возможности синтаксической деривации существительного от прилагательного в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1988.

Н. С. Павлова

КОНКРЕТНАЯ ЛЕКСИКА С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ЗАПАХ»

(На материале толкового словаря немецкого языка DUDEN)

Проблема соотношения языка с абстрактным мышлением, с одной стороны, и с чувственно-образным, с другой, включает в себя следующие вопросы. Как отражаются в единицах языка разные формы мышления – понятие и пред-

ставление? Являются ли чувственно-наглядные образы такими же органическими компонентами содержания слова, как и их значения, носящие абстрактный обобщенный характер? И если чувственно-наглядные образы все же являются компонентами содержания слова и могут быть выражены средствами языка, то возможна и необходима ли их передача в словарной статье? Цель настоящей статьи – ответить на эти вопросы.

Обратимся в первую очередь к определению того класса лексики, с которым, как правило, и связывают понятие чувственно-наглядного образа, – к конкретной лексике. В книге «Языковая номинация» дается следующее определение этому классу слов: «Конкретная лексика – это названия (имена и глаголы) чувственно воспринимаемых явлений действительности, которым может быть дано определение остенсивное (указывание жестом), простейшее операциональное (физическое воспроизводство), заместительное операциональное (мимика, символический изобразительный жест, рисунок)» [Языковая номинация, 1977, 360]. По мысли Л. М. Васильева, «конкретные значения включают идеографические компоненты эмпирического характера (дом, сад, горький, сидеть, пить), а абстрактные значения состоят из категориальных компонентов (причины, отношения)» [Васильев, 1985, 57]. В нашей статье мы анализируем имена существительные. По мнению О. А. Михайловой, конкретные имена существительные, «обозначающие реальные предметы», составляют центр класса существительных [Михайлова, 1998, 195]. Она приводит следующее определение данного класса слов: «Конкретные существительные (денотативы) – это идентифицирующие имена, основная функция которых идентифицировать объекты мира ‘действительность’» [Михайлова, 1998, 195].

Несмотря на то, что лингвисты – сторонники рационализма отрицают «чувственный элемент» в словах [см.: Комлев, 2003, 112], традиционно в русской лингвистической школе чувственные элементы признавались правомерными. В качестве одной из важных особенностей класса слов конкретной семантики исследователями выделяется именно наличие так называемого эмпирического компонента значения. И. А. Стернин называет этот компонент «обобщенным чувственно-наглядным представлением о предмете» [Стернин, 1979, 129]. Исследуя анализ структуры значения слова, он дает следующее определение эмпирическому компоненту значения: «Эмпирический компонент значения знака – это закрепленный за знаком обобщенный чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета» [Там же]. Выше уже упоминалось о том, что чувственно-наглядный компонент входит в значение большого количества конкретных слов, поэтому знание значения такого слова предполагает как знание его рационального содержания, так и эмпирического компонента. Человек полностью знает значение предметного слова, лишь если у него сложился его чувственно-наглядный образ. Ученый объясняет это следующим образом: «Предложение “крупное садовое травянистое растение с большими яркими соцветиями” еще не составляет для нас значения слова “георгин”, а “самка крупного домашнего рогатого скота” – еще не значение слова “корова”, пока мы не сформировали представления об этих предметах» [Там же, 130]. О значении представления и о взаимосвязи языка и мышления рас-

суждают многие лингвисты. Мнение И. А. Стернина еще раз доказывает, что чувственно-наглядный (эмпирический) компонент – неотъемлемая часть значения слова.

Эмпирический компонент включает в себя наиболее характерные внешние, чувственные особенности предмета. Так, произнося слово *кофе*, мы вспоминаем его цвет (черный), вкус (горький), запах. Говоря о *лимоне*, мы точно знаем, что он желтого цвета, определенной формы, кислый, сочный.

Изучение эмпирического компонента в значении слова, безусловно, представляет собой значительную трудность, так как он имеет чувственную природу и, в общем, не поддается содержательной фиксации и разложению на составляющие элементы. По мнению Стернина, косвенным путем исследования эмпирического значения является анализ словарных дефиниций в толковых словарях, которые часто содержат словесное описание эмпирического компонента.

Действительно, анализ толковых словарей показывает, что этот компонент описывается очень часто. Причем лексикографы используют для этого самые разные возможности. Существует множество исследований, посвященных лексикографической тематике. Так, О. А. Михайлова анализирует в своей монографии ограничительные компоненты лексической семантики [см.: Михайлова, 1998]. «Слова, помимо знания их значений, вызывают у говорящего (и у слушающего) определенное представление о том, какими свойствами обладают прототипические, идеальные предметы этих классов. Поскольку в словарях провозглашен антропоморфный способ подачи материала, среди позиций словарной статьи появляются не только классифицирующие и конкретизирующие компоненты, но и компоненты, ограничивающие частные проявления какого-либо свойства (например, цвета, формы) типовым представлением о нем, сложившимся в коллективном сознании. Например: *бутылка* ‘сосуд для жидкостей с узким продолговатым горлом, о б ы ч н о ц и л и н д р и ч е с к о й ф о р м ы ’ – первая часть толкования включает классифицирующие компоненты, а выделенный фрагмент представляет собой ограничительный компонент, отражающий типовое усредненное представление о форме этого сосуда...» [Там же, 29]. Мы видим, что и конкретизирующий компонент «с узким продолговатым горлом», и ограничительный компонент «обычно цилиндрической формы» описывают форму предмета, отсылая реципиента к его чувственному опыту.

Именно остенсивное определение, или, в соответствии с определением Стернина, вербально-остенсивное значение, свидетельствует о наличии эмпирического компонента. К вербально-остенсивным определениям относятся дефиниции слов со значением вкуса, цвета, формы, запаха, звука. Если сравнить такие определения, как голубой – цвета неба, красный – цвета крови, сладкий – имеющий приятный вкус, свойственный сахару или меду, резкий – чересчур сильный и так далее, то можно заметить, что во все эти определения, кроме остенсивных (отсылающих к впечатлениям от других референтов), входят еще и вербальные компоненты, которые задают родовую принадлежность референта – имеющий вкус, такого-то цвета, на слух. По выра-

жению Стернина, «термин “остенсивный” следует оставить за сферой устного речевого общения, где предполагается непосредственная отнесенность слова к предмету, воспринимаемому органами чувств самих коммуникантов; применительно же к словарю можно использовать термин “иллюстративный”» [Стернин, 1979, 137]. Иллюстративная дефиниция – это сопровождение знака рисунком или схемой его референта, формирующей эмпирический компонент значения.

Но как же быть со словами, в значениях которых присутствует признак запаха, звука или вкуса? Ведь ни то ни другое невозможно передать с помощью иллюстраций. Следовательно, передача эмпирического компонента в дефинициях таких слов составляет особую сложность. И запах, и звук, и вкус имеют исключительно чувственную природу. И тем не менее во всех толковых словарях существует некоторое количество слов с такими значениями. Рассмотрим возможные варианты описания семантического компонента «запах» в словарных статьях.

По результатам выборки из толкового словаря немецкого языка DUDEN (Deutsches Universalwörterbuch, 1989) нами были сделаны следующие выводы: было найдено 140 имен существительных, в дефинициях которых указывалось на присутствие семантического компонента «запах». Если учитывать, что конкретная лексика составляет около восьмидесяти процентов словарного состава любого языка (а в данном случае словарь содержит около 120 000 слов), то можно сделать вывод о том, что такой элемент эмпирического компонента значения как «запах», описывается крайне редко, что обусловлено в первую очередь чувственной природой данного признака.

Рассмотрим варианты вербального описания рассматриваемого нами семантического компонента. На примере сделанной нами выборки имен существительных отчетливо видно, что язык обладает лишь немногими возможностями описания запаха. Словарь синонимов немецкого языка DUDEN предлагает лишь два синонима к существительному *Duft* – *Geruch*, *Parfüm*. При этом, даже не прибегая к переводу, мы можем сделать вывод о том, что последнее существительное (*Parfüm*) обозначает не столько запах, сколько особые жидкости, распространяющие приятные, ароматные запахи. В статье, посвященной глаголу *duften*, приводится единственный вариант – *riechen*. Существительное *Geruch* имеет следующие синонимы: нейтральные – *Duft*, *Aroma* и поэтизмы – *Ruch*, *Arom*. Синонимический ряд глагола *riechen* состоит опять же из глагола *duften*, а также из глагола *stinken*, словосочетания *einen üblen (unangenehmen) Geruch ausströmen* и нескольких диалектизмов: *dunsten*, *bockeln*, *fischeln*, *brandeln*, *muffeln*. Таким образом, в немецком литературном языке существует лишь два исконно немецких корня, от которых образованы существительные *Geruch*, *Duft*, глаголы *riechen*, *duften*, а также слова латинского происхождения *Aroma*, *aromatisch*. Остальные слова, тем или иным образом описывающие запах, происходят от указанных корней.

В задачи нашего исследования не входит рассмотрение семантической структуры упомянутых глаголов и существительных. Отметим, однако, что в то время как глагол *riechen* может использоваться в разных контекстах (он

нейтрален, соответственно может обозначать и приятные, и неприятные запахи), глагол *duften* обладает более конкретизированным значением и применяется лишь при описании ароматных, приятных запахов. Так, в статье Толкового словаря немецкого языка DUDEN к глаголу *riechen* в его втором значении «распространять определенный запах» приводится ряд примеров, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что это слово не обладает никаким специализированным значением [DUDEN, 2001, 1313]. Это же касается и однокоренного с ним существительного *Geruch* – «запах». Существительное *Duft* переводится, скорее, как «аромат, приятный запах», что объясняет сужение значения глагола *duften*, произошедшего от данного существительного.

Одна из основных причин скудности языковых средств, манифестирующих запах как элемент эмпирического компонента значения, является исключительно чувственная, неосознаваемая и невидимая природа запаха. В этой связи уместно привести цитату из монографии О. А. Михайловой, в которой указывается на то, что слова, в дефинициях которых отражена сема «запах», – это «очень небольшая в количественном отношении группа, вероятно потому, что свойства объекта, воспринимаемые обонянием, не столь значимы для человека, как другие сенсительные свойства, в частности зрительные и слуховые» [Михайлова, 1998, 202].

В сделанной нами выборке немецких имен существительных мы выявили, пожалуй, лишь пять основных слов, которые манифестируют в словарной дефиниции запах того или иного объекта. Это однокоренные причастие *riechend* и имя существительное *Geruch*, однокоренные причастие *duftend* и имя существительное *Duft* и однокоренные прилагательное *aromatisch* и имя существительное *Aroma*. Кроме того, при описании семы «запах» в названиях вин используется существительное *Bukett*. Выше уже говорилось об особенностях употребления глаголов *duften* и *riechen*, а также родственных им существительных *Duft* и *Geruch*, действительных причастий *duftend* и *riechend*. Отметим, однако, еще раз, что именно проведенная нами выборка как нельзя лучше иллюстрирует существующее в немецком языке различие между группой слов, образованных от корня *-ruch-* (*-rich-*), и группой слов, образованных от корня *-duft-*. Последние, наряду с существительным *Aroma* и прилагательным *aromatisch*, имплицитно выражают общие свойства запаха. Напомним еще раз, что имя существительное *der Duft* применимо при описании только приятных запахов (это же касается и однокоренных с ним слов *duften*, *duftend*, *duftig*). Например, эти лексемы встречаются в словарных статьях, посвященных следующим словам: *Vanille* (ваниль), *Mandarine* (мандарин), *Linde* (липа), *Robinie* (робиния), *Reseda* (резеда), *Zitruspflanze* (цитрусовое растение), *Maiglöckchen* (ландыш), *Narzisse* (нарцисс), *Rose* (роза), *Nelke* (гвоздика), *Lilie* (лилия), *Bergamottöl* (бергамотовое масло), *Veilchen* (фиалка), *Tabak* (табак), *Minze* (мята), *Lavendel* (лаванда), *Jasmin* (жасмин), *Nektar* (нектар), *Melisse* (мелисса), *Kamille* (ромашка), *Rosenöl* (розовое масло), *Irisöl* (ирисовое масло).

Существительное латинского происхождения *das Aroma* (*aromatisch*), представленное и в русском языке как «аромат, ароматный», также употребляет-

ся лишь по отношению к приятным запахам – см. *Pfefferminz* (перечная мята), *Tee* (чай), *Mokka* (мокка). Существительное *Geruch* и родственные ему однокоренные слова являются нейтральными, не несут в себе никакой оценочной информации и могут употребляться при описании как приятных, так и неприятных запахов. При этом данные формы практически всегда распространены соответствующими наречиями: *aromatisch* (ароматно), *angenehm* (приятно), *unangenehm* (неприятно), *faulig* (гнило), *würzig* (пряно), *eigenartig* (своеобразно), *süßlich* (сладковато).

Итак, перед нами два действительных причастия, четыре имени существительных и одно имя прилагательное, манифестирующие тем или иным образом семантический компонент «запах». В различных комбинациях эти лексические единицы сообщают адресату о наличии или отсутствии запаха у какого-либо объекта (*duftend* – приятно пахнущий, ароматный, душистый, *aromatisch* – ароматный, *geruchlos* – без запаха); о его интенсивности (*stark* – сильно, *intensiv* – интенсивно, *besonders aromatisch* – особо ароматный); свойствах, сходстве с общеизвестными запахами, запахами-ориентирами (*mit Veilchenduft*, *moschusartig*, *benzolatig*, *zitronenähnlich*, *apfelähnlich*). Несмотря на то, что в самих немецких лексемах уже заключены основные характеристики запаха (см. выше), очень часто в словарных дефинициях мы находим атрибутивные распространители, дополнительно характеризующие конкретные запахи. Так, с причастием *duftend* очень часто употребляются наречия *aromatisch*, *angenehm*; причастие *riechend* нередко сопровождается наречиями *angenehm*, *unangenehm*. Кроме того, немецкий язык, особенностью которого являются сложные слова, обладает еще одной возможностью конкретизации того или иного качества объекта – соединением в одной словоформе двух и более корней. Примером таких сложных причастий являются следующие лексемы: *wohlduftend*, *wohlriechend*, *übelriechend*.

Достаточно часто в статье описывается интенсивность запаха. С этой целью применяются следующие прилагательные и наречия: *stark* (сильный, сильно), *intensiv* (интенсивный, интенсивно), *schwach* (слабый, слабо).

Итак, семантический компонент «запах» манифестируется в словарной статье с помощью указанных выше наречий, прилагательных и существительных. Отдельно может быть охарактеризована интенсивность запаха, а также его общее качество (приятный/неприятный). Кроме того, по нашему мнению, необходимо выделить еще один важный критерий описания запаха. В некоторых случаях описываемый компонент характеризуется через сравнение с «запахом-ориентиром», иначе говоря, с общеизвестным, распространенным запахом. Так, в статьях, посвященных словам *Irisöl* (ирисовое масло), *Levkoie* (левкой), автор апеллирует к запаху фиалки; запах мелиссы (*Melisse*), полыни (*Eberraute*) сравнивается с запахом лимона. Кроме того, в исследованном нами словаре встречаются компаративные описания, в которых указано на сходство того или иного запаха с запахом кофе, яблока, мускуса.

С грамматической точки зрения все имеющиеся способы описания запахов можно условно разделить на следующие группы:

1. Субстантивные:

- а) однокомпонентные (*mit Veilchenduft*);
- б) адъективно-субстантивные (*mit starkem Rosenduft, mit strengem Duft, mit erfrieschendem Aroma*).

2. Адъективные:

- а) однокомпонентные (*aromatisch*);
- б) адъективно-адвербиальные (*schwach aromatisch, stark aromatisch*).

3. Глагольные (*nach Zitronen duften, einen intensiven Duft ausströmen*).

4. Причастные:

- а) однокомпонентные (*duftend, wohlduftend*);
- б) адвербиально-причастные (*durchdringend riechend, zitronenähnlich duftend*);
- в) субстантивно-причастные (*nach Aas riechend*).

Отметим, что в большинстве случаев запах описывается с помощью адвербиально-партиципиальных и адъективно-субстантивных словосочетаний.

Нами были выявлены также примеры, при описании которых указывалось на отсутствие запаха, а не на его наличие либо характеристику. Таким образом, в толковом словаре описаны некоторые химические соединения (*Kohlenmonoxyd, Methan, Sauerstoff, Edelgas, Argon*). Кроме того, особым образом характеризуется в толковом словаре запах вин. В этом случае описание запаха основано на адъективно-субстантивном словосочетании, состоящем из неизменного существительного *Bukett* (букет) и прилагательных *zart* (нежный), *reich* (богатый), *intensiv* (интенсивный).

Естественно, что слова с семантическим компонентом «запах» составляют совершенно особую группу, которая, в свою очередь, относится, в соответствии с классификацией А. А. Уфимцевой, к конкретным неодушевленным исчисляемым предметам [см.: Уфимцева, 1974].

Дальнейшая семантическая классификация выбранной нами группы слов может выглядеть, по нашему мнению, следующим образом.

Прежде всего, в нее входят названия объектов растительного мира. Они составляют примерно половину (68) из всех слов, в дефинициях которых присутствует указание на запах. Эту группу, в свою очередь, также можно разделить на несколько семантических подгрупп:

- 1. Названия трав и цветов (*Levkoie, Melisse, Narzisse, Kamille, Veilchen*).
- 2. Названия деревьев (*Linde, Eukaliptus, Muskatnussbaum, Myrte, Kopalfichte*).
- 3. Названия плодов (*Mandarine, Pflaume, Pfirsich, Zitrusfrucht*).

Следующая по величине семантическая группа имеет непосредственное отношение к пище человека. Условно назовем ее «кулинарные обозначения» и разделим на следующие подгруппы:

- 1. Названия блюд (*Mortadella, Mintsoße, Bacon, Stinkkäse*).
- 2. Названия специй (*Koriander, Majorann, Muskat, Vanille*).
- 3. Названия напитков (*Nektar, Tee, Rauchtee*).
- 4. Названия вин (*Riesling, Muskateller, Morio-Muskat, Pfefferminzlikör*).

Остальные группы слов объединяют в себе названия различных веществ

и жидкостей, в значениях которых также семантический компонент «запах». Прежде всего это вещества, которые используются в парфюмерии и медицине.

1. Кристаллические и порошкообразные пахучие вещества (*Vanillin, Karbid, Naphtalin, Mentol, Salmiak*).

2. Жидкости (*Essigsauereathylester, Styrol, Karbol*).

3. Газообразные ароматические вещества (*Kumarin*).

4. Жидкости (масла, нектары) и смолы натурального происхождения (*Irisöl, Rosenöl, Sandelholzöl; Dammar, Fichtenharz*).

5. Секреты, выделяемые железами животных (*Moschus, Zibet*).

В особую группу можно выделить «парфюмерную терминологию». Примерами таких слов являются следующие названия: *Eau de Cologne, Eau de Parfume, Eau de Toilette*.

И, наконец, в последнюю группу можно выделить названия табачных изделий. Это прежде всего сорта сигарет и табака (*Makuba, Machorka, Havanna*). Само растение «табак», безусловно, относится к первой группе (объекты растительного мира), но в данном случае мы имеем в виду изделия, приготовленные из него.

Итак, мы классифицировали выбранный нами класс слов. Перейдем теперь к рассмотрению возможностей передачи в словарной статье семантического компонента «запах».

Выше уже говорилось о том, что исключительно чувственная природа запаха практически не позволяет передавать его с помощью средств языка. Вообще обоняние называют одним из самых загадочных чувств. Существует мнение, что в русском языке «даже не существует глагола, который мог бы обозначать обонятельное восприятие» [Плужников, Рязанцев, 1991, 83]. Более того, ученым до сих пор не удалось подробно классифицировать запахи, точно охарактеризовать их. Это связано с тем, что у людей отсутствует абстрактное представление о запахах. «В то время как существует представление о соленом, горьком, кислом, сладком вкусе, когда можно выделить основные цвета спектра, представление о запахах является чисто предметным. Мы не можем охарактеризовать запаха, не называя вещества или предмета, которому он свойствен ... Точно так же невозможно вызвать в воображении какой-либо запах, не связывая его с определенным предметом» [Там же, 85].

Именно поэтому гораздо чаще в словарных статьях описываются другие элементы эмпирического компонента значения слова, такие как форма, цвет, величина предмета. Рассмотрим в качестве доказательства этого утверждения пример словарной статьи.

Narzisse, die; -, -n [lat. narcissus < griech. narkissos, wahrsch. volksetymologisch angelehnt an narke (Narkose) wegen des starken Duftes]; im Frühling blühende Blume mit langen, schmalen Blättern u. duftenden weissen Blüten auf hohen Steilen.

Переведем эту статью дословно:

Нарцисс, -а, м. [лат. narcissus < гр. narkissos, по народной этимологии произошло, вероятно, от narke «наркоз, оцепенение» (из-за сильного запаха)]; цветущее весной растение с длинными, узкими листьями и душистыми белыми цветками на высоких стеблях.

Итак, вся словарная статья представляет собой краткое описание внешнего вида растения. Благодаря этому перед нами появляется реальный образ нарцисса. Мы как будто видим его: высокий стебель, длинные узкие листья и белые цветы. С помощью семи слов автору удастся описать высоту растения, размер и форму листьев, цвет цветков. Читая такое описание, человек воспроизводит в памяти образ этого растения, оживляя запечатленное в прошлом опыте ощущение от увиденного. Но запах имеет исключительно чувственную природу, а следовательно, для его характеристики существует не так много возможностей, как для передачи средствами языка внешних признаков предмета.

Проанализировав исследованную группу слов, можно отметить, что семантический компонент «запах» практически никогда не описывается, причем даже в тех случаях, когда этот элемент является чуть ли не ведущим в эмпирическом компоненте значения слова.

Рассмотрим, например, слово *Mimose*. Казалось бы, это как раз то слово, услышав которое, мы моментально вспоминаем свежий, «весенний» в нашем представлении, запах этого растения. Но в словарной статье не содержится не только какой бы то ни было характеристики этого признака, здесь даже не указывается на его присутствие:

Mimose, die; -, -n (lat.) meist gelb blühende, holzige und krautige tropische Pflanze mit reizbaren Blättern, die sich bei der leisesten Berührung zusammenlegen.

Как видим, здесь опять же достаточно подробно характеризуется внешний вид этого растения, описывается лишь то, что поддается визуальному наблюдению.

Часто в словарных статьях запах референта только упоминается, но не характеризуется. Так, например, многие растения, в соответствии со словарными статьями, описывающими их, имеют просто пахнущие (*duftende*) или ароматные (*aromatisch duftende*) цветы или листья. При описании деревьев запах, как правило, присущ коре. Иногда говорится о содержании в данном растении большого количества ароматных эфирных масел.

Таким образом, запах может быть описан как нечто, присущее всему растению:

Veilchen, das: im Frühjahr blühende kleine, stark duftende Pflanze mit herzförmigen Blättern u. blauen bis violetten Blüten aus 2 aufwärts u. 3 aufwärts gerichteten Blütenblättern;

какой-либо его части:

Madesi, das: (zu den Rosengewächsen gehörende) Pflanze mit grossen Fiederblättern u. duftenden, gelblichweissen od. rötlichen Blüten in Trugdolden;

или содержащемуся в данном растении веществу:

Pfefferminze, die: krautige Pflanze mit gestielten Blättern u. lilafarbenen Blüten in Scheinähren, die ein stark aromatisches ätherisches Öl enthält u. als Heilpflanze kultiviert wird.

При описании плодов деревьев запах характеризуется как одно из свойств мякоти плода. Лексикограф, как правило, лишь указывает на его наличие:

Pflaume, die: eiförmige, dunkelblaue od. gelbe Frucht mit gelblichgrünem aromatischem Fruchtfleisch und länglichem Stein.

Запахи всех специй также никак не дифференцированы, а иногда об их наличии вообще ничего не сказано. Отметим при этом, что для любой такой кулинарной добавки запах, как и вкус, является важнейшей характеристикой.

Итак, мы выяснили, что в большинстве случаев семантический компонент «запах» практически не поддается описанию. Есть лишь единичные примеры, в которых запах охарактеризован через сравнение с каким-либо более известным запахом. Такими ориентирами являются общеизвестные, распространенные запахи лимона, кофе, фиалки, яблока. Кроме того, во многих статьях говорится об интенсивности запаха, присущего тому или иному предмету. Запах может быть сильным, резким, тонким и т. п.

Таким образом, анализ словарных статей, проведенный нами, позволяет сделать следующие выводы. Референты по способу описания семантического компонента «запах» могут различаться по следующим пунктам:

- 1) наличие/отсутствие запаха;
- 2) интенсивность запаха;
- 3) качество запаха (приятный/неприятный);
- 4) сходство запаха с другими, более распространенными, «классическими» запахами (остенсивное определение);
- 5) функции запаха (освежающий, используемый в парфюмерии, медицине).

Выше уже приводилась цитата из работы И. А. Стернина о том, что «мы полностью знаем значение предметного слова, только если у нас сложился и его чувственно-наглядный образ» [Стернин, 1979, 130]. Из этого следует, что человеку для полного понимания необходимо еще и представлять себе то, о чем идет речь. Если читатель сталкивается в произведении с непонятным ему названием, он вынужден обращаться за разъяснением к словарю. Однако словари, к сожалению, не всегда могут помочь нам в подобной ситуации. Подробное описание эмпирического компонента значения слова не входит в задачи лексикографа.

Как же должна быть составлена словарная статья, чтобы адресат смог получить максимум необходимой ему информации о данном референте и в то же время представить его себе? Еще сложнее удовлетворить требования реципиента, не являющегося носителем конкретной языковой культуры. Предположим, что за тем или иным разъяснением к помощи словаря прибегает переводчик, работающий с иностранным произведением. Его цель – максимально точно передать средствами родного языка значение иностранного слова и дать возможность читателю, не владеющему иностранным языком, понять смысл всего изложенного им языкового материала до мелочей.

Известно, что многие переводческие ошибки возникают как раз из-за несовершенства описания предметов и явлений в словарях. Создатели двуязычных словарей, безусловно, не ставят перед собой цели описать референт. Они лишь приводят некоторое количество эквивалентов слов одного языка в другом языке. Но переводчику недостаточно знать только перевод слова, зачастую ему необходима вся информация о данном референте, не случайно гово-

рят о том, что переводчик, с каким бы текстом он ни работал, использует массу сведений из разных областей знания – антропологии, истории, литературоведения и др. Следовательно, переводчику нужно обращать свое внимание не только на факты языка, но и на функциональное содержание мысли, которое выражено в речевом произведении. Это значит, что за каждым словом необходимо видеть денотат, лишь в этом случае возможен адекватный, тождественный оригиналу перевод.

В чем же причина того, что словарь не всегда может нам помочь? По мнению известного отечественного лексиколога М. Н. Правдина, в лексикографии существует искусственное противопоставление интересов «ученого-лексикографа и того, кому, собственно, словарь адресуется» [Правдин, 1983, 4].

С одной стороны, каждый составитель толкового словаря стремится к научной точности толкования, понимая свою ответственность «гаранта нормы» языка в каком-либо коллективе. Главные его «усилия направляются на то, чтобы выбрать из всех возможных словесных толкований (дефиниций) данного слова такое толкование, которое наиболее отвечало бы некоторому... критерию научности» [Там же]. Но вместе с тем любой лексикограф должен признавать, что «все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность» [Там же]. Действительно, чтобы получить исчерпывающее представление об объекте, необходимо проследить все формы его проявления, краткой словарной дефиниции в этом случае недостаточно.

Как же получить переводчику всю необходимую информацию об описываемом предмете, если он для него незнаком и если словари в данной ситуации не могут ему помочь? Существует несколько возможностей.

Прежде всего на помощь переводчику приходит специальная литература. Такие книги, как правило, содержат всю необходимую информацию о данном классе предметов. Так как наше исследование посвящено характеристике класса слов с семантическим компонентом «запах», в нашем случае примером такой литературы являются книги по медицине, ботанике, химии, кулинарии, парфюмерии. Второй возможный путь получения информации – так называемая методика прямого опроса. В этом случае переводчик получает необходимые сведения о предмете от специалистов в конкретной области либо от носителей языка, знакомых с данным понятием. Однако переводчику было бы, безусловно, удобнее получать информацию о референте из словаря. Итак, вернемся к поставленному выше вопросу о том, какой должна быть словарная статья, описывающая значение слова с конкретной семантикой; какие лексикографические приемы должен применить автор словаря для того, чтобы пользователь, прочитав статью, мог не только получить информацию о данном предмете, но и представить его себе.

Так как одной из целей нашей статьи является характеристика слов конкретной семантики с компонентом значения «запах», мы рассмотрим возможности описания лексикографами референтов, названными словами этой группы.

Проанализируем следующую словарную статью:

Vanille, die; – [frz. *Vanille* < span. *Vanilla*]: 1) (in den Tropen heimische, zu den Orchideen gehörende) wie eine Liane rankende Pflanze mit in Trauben stehenden, oft gelblichweissen, duftenden Blüten u.

schotenähnlichen Früchten. 2) aus den Früchten der Vanille (1) gewonnenes, aromatisch duftendes Gewürz, das für Süßspeisen verwendet wird.

Дословный словарный перевод этой статьи будет выглядеть так:

Ваниль, -и, ж. [из франц. Vanille < испанск. Vanilla]: 1) Растение из семейства орхидных, произрастающее в тропиках. Растущее в виде лианы, вьющееся растение чаще всего с желтовато-белыми, пахнущими цветками, образующими гроздья и плодами в виде стручков. 2) Получаемая из плодов ванили (1) ароматно пахнущая приправа, которая используется в приготовлении кондитерских изделий.

Словарная статья из «Малого академического словаря русского языка» описывает данное понятие следующим образом:

Ваниль, -и, ж. 1. Тропическое растение с длинными тонкими плодами. 2 (Собир.). Сушеные ароматные плоды ванили, употребляемые в кулинарии и парфюмерии.

Безусловно, первый вариант толкования дает нам больше информации. Но ее все-таки может быть недостаточно в определенных ситуациях, возникающих при переводе. Приведем наш собственный вариант словарной статьи.

Ваниль, -и, ж. 1) Род растений семейства орхидных, произрастающее и культивирующееся в тропиках Америки, Западной Африки, на о-вах Борнео и Малакко. Произрастает в виде лианы с воздушными корнями. Желтовато-белые цветы растут кистями. В период созревания плоды образуют блестящие темно-коричневые стручки, которые содержат ванилин, используемый в кулинарии, а также в парфюмерии. Всего известно около 100 видов. Ваниль является одной из важнейших сельскохозяйственных культур в регионах возделывания. 2) = *Ванилин*, -а, м. Душистое вещество, ароматический альдегид, белые кристаллы со специфическим сладковатым запахом. Температура плавления 81–85 °С. Содержится в свежих плодах ванили (глюкованилин). Благодаря своим ароматическим свойствам используется в кулинарном деле (прежде всего для приготовления кондитерских изделий), а также в парфюмерии. В различные сладкие блюда (кремы, мороженое, кисели и др.) и в мучные изделия ванилин следует добавлять в пропорциях, т. к. его излишнее количество придает блюду горечь. В продажу поступает синтетический ванилин, приготовленный из гваякола, лигнина и эвгенола, а также смесь ванилина с сахарной пудрой в соотношении 1/100, называемая ванильным сахаром.

Для составления данной словарной статьи нам пришлось привлечь разнообразную литературу по ботанике, химии, кулинарии. И все-таки, несмотря на достаточно большой объем, статья не передает нам огромного количества важной информации (как о растении, так и о приправе). Что же касается запаха, то он в данном случае снова описан менее чем кратко. Возможно, специальная литература по парфюмерии или по кулинарии могла бы предложить нам какую-либо информацию о месте данного запаха в сложной классификации запахов, его подробную характеристику и т. п. Но здесь встает вопрос о том, будут ли данные специальные сведения понятны «среднему» пользователю, не являющемуся специалистом в данной сфере.

В литературе по лексикографии неоднократно появлялись сведения о том, следует ли вообще включать так называемую специальную лексику в универсальные, т. е. неотраслевые, словари. Под специальной лексикой мы понимаем здесь не только термины, но и те слова, которые относятся к каким-либо узким областям знания. В нашем случае это названия малоизвестных растений, веществ и т. п.

Отбор лексики для обычного словаря является одной из самых сложных проблем. По мнению известного отечественного лексикографа В. П. Беркова, «трудность состоит в том, что, руководствуясь совершенно верным принципом – включать в словарь только широкоупотребительную терминологию, избегая слов узкоспециальных, лексикограф во множестве случаев не располагает объективной информацией о том, является ли данное конкретное слово общеупотребительным или, наоборот, узкоспециальным» [Берков, 1996, 45]. Неоднократно делались попытки выявления конкретных объективных критериев отбора специальной лексики для неотраслевых словарей. Для этого анализировалась лексика, включенная в учебники общеобразовательной школы, лексика газет и журналов и т. д. Но в итоге лексикографы оказывались в ситуации, «когда объективных критериев нет, а субъективное ощущение употребительности во многих случаях дает ненадежные результаты» [Там же, 46]. Обращение к специалистам также не приносит желаемых результатов, т. к. они, как правило, завышают число наиболее употребительных терминов в своей области. Из изложенного выше следует, что «вопрос об охвате специальной лексики обычными словарями в настоящее время может решаться только на основе субъективной оценки употребительности» [Там же].

Вернемся к нашим попыткам составления словарных статей. Они еще раз доказывают, что словарная дефиниция не может дать пользователю огромного количества важной информации в силу того, что она не претендует на серьезное научное описание какого-либо предмета, понятия или явления. Следовательно, в том случае, если пользователь (в нашем случае переводчик) действительно нуждается в подробных характеристиках, помочь ему могут только специальная литература либо профессионалы.

Что же касается описания эмпирического компонента значения слова, то оно, по нашему мнению, действительно должно присутствовать во всех словарных дефинициях, характеризующих слова из класса конкретной лексики, так как в значениях этих слов чувственно-наглядный компонент играет важнейшую роль, делая возможной дифференциацию референтов.

Берков В. П. Двухязычная лексикография. СПб., 1996.

Васильев Л. М. Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1985.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 2003.

Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург, 1998.

Плужников М., Рязанцев С. Среди запахов и звуков. М., 1991.

Правдин М. Н. Словарное толкование, научность и здравый смысл // *Вопр. языкознания*. 1983. № 6.

Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997.

Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.

Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.